

БИОЛОГОС: ДИНАМИКА ХРОНОТОПА

Л.П. КИЯЩЕНКО

Биологос. Обращение к концепту *биологос* неслучайно, оно инициировано стремлением прояснить ситуацию с трансдисциплинарным измерением биорациональности. Нужда в трансдисциплинарном измерении биорациональности возникает в том месте и в то время, когда научное знание выходит за свои традиционные дисциплинарные границы (сохраняя интенцию на опредмечивание действительного как на исчисление¹) при попытке решить проблемы экзистенциального порядка (типа экологического, биоэтического, антропологического и т.п. исследований).

Указанные проблемы требуют комплексного, нетрадиционного подхода, предъявляют новые требования к современному научному знанию. Реальные, жизненные проблемы уточняются в процессе формирования их предметного статуса по ходу взаимодействия различных дисциплин, участвующих в решении, порой в режиме реального времени. Происходит корреляция, подгонка методов, нарождаются новые синтезирующие подходы, в дело вступают когнитивно-коммуникативные исследовательские стратегии, сочетающие познавательное и речевое взаимодействие. Идет формирование критериев отбора и выбора из альтернативно возможных и в различной степени оптимальных решений. Неизбежно и остро встает вопрос о соответствии проблемной ситуации предлагаемой теории и об ответственности в ближайшем и отдаленном будущем за ее применение. Место и время экзистенциального события, сохраняя онтическое измерение, в том числе и необратимость случившегося, выходят на уровень онтологии, полагающегося на рекурсивную возможность прояснить его основания.

Речь в этом случае идет об устанавливающе-фиксирующей процедуре, обязательной, по мнению М. Хайдеггера, для всякой теории действительного, об исчислении². Экси-

* Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ «Трансдисциплинарные измерения биорациональности», грант № 07-03-00169а.

стенциальный характер проблем требует, в свою очередь, учета в их решении этических ценностей и моральных норм, вносящих дополнительное измерение к истинности и достоверности предмета исследования³. Измерении, несущем *в явном виде* субъектное присутствие в устанавливающе-фиксирующую процедуру, а тем самым и в предмет ее рассмотрения, в отличие от *неявного* присутствия, когда подбираются методы с точки зрения их возможности измерить предмет, что называется, «в объектно-объективном модусе».

Так или иначе, различия в указанных способах измерения (различенных по природе или по степени в терминологии А. Бергсона), выводит на известное — на амбивалентную природу человека, даже если он занимается таким видом деятельности, как научное или философское познание⁴. Оставаясь плоть от плоти частью природного мира, человек (как измеряющий и измеряемое) приобретает качественно иные свойства, среди которых основополагающим является рефлексивное отношение не только к природе как таковой, но и к самому себе, сложным образом сочетая «я-сам как другой». Последнее обстоятельство существенно усложняет рефлексивное отношение как таковое, поскольку «развертывает диалоговое измерение самооценки, до сих пор молчаливо подразумевающееся»⁵.

Именно поэтому предлагается толкование слова *биологос* как концепта. Поскольку концепт в отличие, скажем, от понятия может быть рассмотрен как динамично и непрерывно становящаяся совокупность субъективных представлений о действительности, обретающей целостность в языке в контакте с действующими в культурном контексте смыслопорождающими системами воплощения, понимания и интерпретации⁶. Кроме того, «концепт формируется речью... Речь осуществляется не в сфере грамматики (грамматика включена в нее как часть), а в пространстве души с ее ритмами, энергией, жестикуляцией, интонацией, бесконечными уточнениями, составляющими смысл комментаторства. Неотторжимыми свойствами концепта являются память и воображение. Концепт направлен, с одной стороны, на понимание здесь и теперь; с другой стороны — концепт синтезирует в себе три способности души и как памя-

ти, ориентированной в прошлое, как воображения — в будущее, как акт суждения — в настоящее⁷. Таким образом, представленный ресурс концепта дает возможность синтезировать длящиеся явления (овремененное пространство) внутренней душевной жизни, оставлять свои следы на поверхности видимости (опространственное время) в слове, речи и деле. Концепт переводит — удерживает в напряжении совместного рассмотрения — время души, представленное в событиях душевной жизни и факты физического времени.

Надо заметить также, что двусоставность рассматриваемого концепта (*био-*, и *-логос*) вносит свою лепту прояснения в рассмотрение биологоса как концепта, в прояснении характера его амбивалентности. Философский термин логос «употреблялся огромным количеством авторов, и при этом его смысл не был однозначным. В данном случае проблема заключается не столько в эквивалентности терминов в определенных контекстах, сколько в представляемой этим словом ретроспективе исторической эволюции смысла»⁸, добавим, и перспективе. И вот почему. Если исходить из словарного значения слова *логос* в греческом словаре: *слово, речь, дело*, то оно в таком сочетании *концептуально* в выше указанном смысле. По нашему представлению, каждое из этих значений попеременно, исходя из конкретной ситуации, которая разворачивается при трансдисциплинарном подходе, может играть доминирующую роль, не отказывая другим в осмысленности их существования и сохраняя их актуальность в виде запасного арсенала средств, всегда необходимого, когда мы имеем дело (словом и речью) хотя бы в тенденции с рационализируемым в *био-*. Заметим, рациональное при совместном рассмотрении в *слове, речи и деле* будет иметь различные формы его проявления и иное дополнительное к другу другу содержание, фокусирующее в известной мере то, что мы вкладываем в представление о жизни.

Можно сказать, именно по этой причине *био-* как предмет *приложения, проявления и выражения логоса*, как устанавливающе-фиксирующая процедура (в вышеуказанном смысле), приобретает дополнительное измерение к тради-

ционному пониманию *био-*, закрепленного, скажем, за биологией. Присутствие указанного измерения одновременно и изнутри, и извне образует пространство границы между био- и -логосом, или расширяющуюся «точку» становления представления о жизни. Биологическое, лишенное качества жизни, сводится лишь к выживанию. Жизнь «сама по себе» присутствует в биологии как некая непредставимая предпосылка, но которая некоторым образом дополняет ее и дополняется ею. Жизнь, жизненное, как согласятся с этим, наверно, многие, соотнесенное с конкретным носителем этого качества — это не только *выживание*, но и *проживание* и *переживание*, указывающие на различные модусы состояния жизни, наиболее очевидные в человеческой жизни. Эта взаимодополнительность в определении различных ипостасей *био- и -логоса* может быть замечена с учетом особенностей дополнения каждого из них друг друга, если мы сразу, одновременно, берем их в «расчет», замещая линейную последовательность стереоскопией мысли. Тем самым указывая, что порядок мысли возникает из совместного рассмотрения не только «единства многообразия», но и «многообразия единств». К этому случаю применимо высказывание М. Мамардашвили: «Понятие дискретности жизненного времени, эквивалентное символу смерти — нашей «раскоряченности» между двумя моментами времени, которые не сами по себе связаны, а мы должны их связать, и эту связь — надо держать!»⁹.

Именно поэтому введенные концепты биорациональность, биологос входят как средства представления того, что мы вкладываем в наше понимание *жизненного, жизнь*, при всей их, скажем так, плодотворной неоднозначности. Неоднозначности, проистекающей, не в последнюю очередь, из особенностей применяемых средств, сочетающих дополнительность исторического описания случившегося, как проблемы, с его моралью и теоретической реконструкцией в дисциплинарном рассмотрении. Предмет проблемного рассмотрения жизненного события формируется как совместный проект, как минимум, «историка-этика» и «теоретика». Трудности такого определения напрямую связаны, в частности, и с тем, что эти явления по своему существу подвер-

жены не только движению и изменению, скажем, по естественным причинам (*становление бытия*), отслеживающим следствие-результат, но в них инкорпорирован фактор направленности становления, как процессуальной, целеполагающей деятельности (*бытие становления*), в прилагаемых жизненных обстоятельствах. При обращении к таким явлениям эвристически полезным представляется сохранение «коридора», пространства границы «между» *pro* и *contra*, если исходить из представления, что «понятие жизни может быть сконструировано только из противоположных начал»¹⁰. «Изначальная противоположность может быть снята только в бесконечном синтезе, в конечном же объекте — только на мгновение. Противоположность в каждый момент заново возникает и в каждый момент вновь снимается. Это постоянное возникновение и постоянное снятие противоположности в каждый момент должно быть последним основанием всякого движения. Данное положение, которое является принципом динамической физики, находит себе место, подобно всем другим принципам подчиненных наук, в трансцендентальной философии»¹¹.

Культурная форма сопряжения меры и безмерного понятий жизненного и жизнь — время (в паре с пространством) представляет собой усвоение (одомашнивание) чистой стихии становления — не теряет себя в представлении лишь тогда, когда мысль оказывается способной удержать оба полюса в таком представлении, как хронотоп¹².

Хронотоп. Известно, что понятие хронотоп, охватывающее, по выражению М.М. Бахтина, существенную и неразрывную взаимосвязь временных и пространственных отношений, было введено в математическом естествознании и обосновано на почве теории относительности. Сам же М.М. Бахтин вспоминает, что он присутствовал в 1925 г. на докладе А.А. Ухтомского о хронотопе в биологии. Хронотоп, являясь, по мысли Бахтина, формально-содержательной категорией, имеет существенное значение для определения жанра литературы. В художественном хронотопе ведущим началом является время¹³. В научном хронотопе классического типа, описывающего, как правило, «становление бы-

тия», преимущественное положение занимают пространственные характеристики предметов изучения, которые при всей своей изменчивости в развитии сохраняют тождественность самому себе. И в том и другом случае имеется в виду не столько и не только то различное и разнородное представление о времени и пространстве, которые являются априорными условиями возможного опыта (И. Кант). Последние, как известно, являются абстрактными, формальными понятиями и сами как таковые не поддаются временным и пространственным определениям. Содержание, их конкретизирующее, им придает смысловое наполнение, которое в его предельном выражении возможно, как минимум двоякого рода, что делает и конкретизацию неоднозначной. Одна из них, как раз та, которая связана со смыслом в той или иной форме изначально присутствующим, с которым устанавливается устойчивая связь. Либо в мире платоновских идей, либо в априорных механизмах разума, либо он вписан в конфигурацию устройства природы и т.п.¹⁴, но в любом случае значение смысла не зависит ни от времени, оно вечно, ни от топоса его существования, оно беспрепятственно существует везде. Иное наполнение хронотопа возникает в ситуации предельного предположения, «что у мироздания нет изначальных смыслов, и признать (как одно из онтологических оснований такого мироздания!) наличие в нем процессов, связанных со смыслопорождением»¹⁵. Смыслы утрачивают характеристики стабильных «идеальных предметов» и обретают процессуальные свойства¹⁶, проявляют зависимость от сочетания изменяющихся конкретных времени и пространства, рассматривают «*бытие становления*». Присутствие одновременно двух предельных выражений смысла: как «идеальной предметности» и как процесса смыслопорождения, делают специфичным проявление *живого* применительно к *человеческой жизни*. Она фокусирует в себе *сходимость несходного*, образуя длительности двоякого рода¹⁷. Первая длительность отмерена сроками реальной, биологической жизни, ограничена известными датами, изнутри прописана знаменательными событиями. Вторая — образуя пространство смысла, сопряжена взаимодействием двух выше упомянутых предельных выражений

смысла, содержит оценку их значимости в конкретной ситуации, приурочена к значимости тех или иных событий в первой длительности. Дискретность длительности сферы смысла принимает пространственно-временное выражение, поскольку «всякое вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хронотопа». «Каковы бы ни были эти смыслы, чтобы войти в наш опыт (притом в социальный опыт), они должны принять какое-либо временно-пространственное выражение, то есть принять *знаковую* форму, слышимую и видимую нами (иероглиф, математическую формулу, словесно-языковое выражение, рисунок и др.). Без такого временно-пространственного выражения невозможно даже самое абстрактное мышление»¹⁸.

Ж. Делез, разбирая главные вехи философии А. Бергсона — Длительность, Память, Жизненный порыв, в частности, отмечает их главную отличительную черту. Они не укладываются в жесткие рамки абстрактного движения. Бергсон, во многом следуя за Платоном, в каждом случае спрашивает: *как, сколько, когда и где*. «Что по-настоящему важно для философии, так это знать *какое* единство, *какое* многообразие, *какая* реальность — высшие по отношению к абстрактным единому и многому — являются единством многообразия личности»¹⁹. Но это единство имеет совсем неоднозначный характер при всей кажущейся определенности, конкретности вопросов *как, сколько, когда и где*. Говоря о множественности состояний сознания, А. Бергсон выделяет две стороны его жизни, различающиеся по преимуществу во временном или пространственном измерении — качественную и количественную множественность. «Если мы различим две формы множественности, две формы длительности, то очевидно, что каждое состояние сознания, взятое в отдельности, должно будет проявляться по-разному, в зависимости от того, будем ли мы его рассматривать внутри раздельной множественности или внутри слитной множественности, во времени-качестве, где оно возникает, или же во времени, — количестве, куда оно проецируется» (в пространстве. — Л.К.)²⁰. Утверждая свой основной посыл в понимании жизни как творческой эволюции²¹, как производства, созидание различий, Бергсон основную пробле-

му видит в проблеме природы и причин таких различий»²². Он писал: «Следовало бы различать два рода множественности, два возможных смысла «различать», два понимания — качественное и количественное, разницы между тождественным и иным. В одном случае эта множественность, это различие, эта разнородность содержит лишь потенции, как сказал бы Аристотель. Это значит, что сознание осуществляет качественное различие без всякого намерения подвергать качества счету или даже делать из них *несколько* качеств: тогда мы имеем множественность без количества». Но следом за утверждением, «что многие состояния сознания организуются в единое целое, взаимопроникают, все более и более обогащаются, а вследствие этого могли бы сообщить сознанию, не знакомому с пространством, чувство чистой длительности», Бергсон добавляет: «Но самим словом «многие» мы уже изолируем эти состояния друг от друга, внеполагаем их друг от друга и размещаем в ряд в пространстве. Уже само выражение, которым мы пользуемся, вскрывает глубоко укоренившееся у нас привычку развертывать время в пространстве»²³. Последнее утверждение явным образом указывает на динамику соотношения пространства и времени, осуществляющегося в представлении хронотопа жизни.

Динамика. «Основную дилемму представления о времени, — по мнению В.П. Визгина, — в классической и современной науке можно кратко сформулировать так: или предсказуемая обратимость, или непредсказуемая необратимость времени». Дилемма может получить разрешение, если в познании появятся новые категории, которые дадут возможность включить в «объективное» описание природы самого познающего субъекта. Это означает, что объективное время природы включает «субъективное» время коммуникации с ней — время измерения, время сообщения, время вопрошания природы и т.п. Так как для полного описания природы требуется рассмотрение и зон слабой устойчивости, то представление о внешнем времени нужно, как считает Пригожин, дополнить представлением о внутреннем времени. Реальное время складывается из совместного течения обоих видов времени, определяя реальное становление, возник-

новение вещей и их метаморфорзы»²⁴. И тогда к нему в известной мере применимо то, что Бахтин говорил о художественном хронотопе. Художественный хронотоп характеризуется пересечением пространственных рядов и слиянием временных примет в осмысленном и конкретном целом. «Время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысляется и измеряется временем»²⁵.

Помеченные противоположно направленные силы динамики хронотопа образуют тем самым сложную, неоднородную, динамическую среду пространства биологоса, порождают серию представлений, *овременяющих пространственное* многообразие в целостность длительности, создают подобие «волнового» эффекта, представления, *опространствливающих* внутреннее время в «кванты» видимых множественных событий. В своей взаимоотношенности игра помеченных тенденций образует динамический, пульсирующий хронотоп существования биологоса. Ритмика пульса его жизни, то ускоряясь, то замедляясь, «складывается» или координируется в зависимости от того, *что* выходит по преимуществу из различенного в пространстве биологоса на авансцену случившего пространственная или временная составляющая. Динамика указанных составляющих ложится в понимание «сознания как опыта различений»²⁶.

Существенным для такого толкования хронотопа является сочетание в нем не только предзаданного чередования «отталкивания» и «притяжения» взаимодействующих в хронотопе сил, что характерно для моментов устойчивых и равновесных его состояний, но и возможность появления спонтанного и непредсказуемого, невозможного следствия с точки зрения линейного причинения. Последнее случается при *последовательном проведении дуализма на уровне отвлечения*. Этот принцип, введенный М. Мамардашвили и А. Пятигорским, раскрывается ими следующим образом. «То, что думается и говорится о вещи, то должно думаться и говорить одновременно с тем, что думается и говорится о сознании (естественно, конечно, что о том и другом будет гово-

ряться нечто совершенно разное)»²⁷. Первое связывается этими авторами с *изучением*, причем это действие относится как к вещам, так и к самому человеку, и то и другое — есть еще только «изучаемое». То, что думается и говорится о сознании, связано с пониманием. «Чтобы войти в ситуацию *понимания*, он (человек. — Л.К.) должен будет заменить прежние привычные оппозиции новыми, и такая замена есть постоянное условие расширения сферы сознательного опыта, условие постоянной открытости к непредсказуемому сознательному опыту, опыту, который как результат не выводим ни из какого предшествующего сознанию опыта»²⁸.

Различение изучения (познания) и понимания, произрастающее из одного ствола — человеческого разума — вносит дополнительные размерности в толкования пространства биологоса, как целостности различных оппозиций. А посему «различение как опыт сознания», примененное к самому себе, указывает на иерархию степеней различности. Аналитически выделяя различные оппозиции в рассмотрении пространства биологоса, способы и формы их взаимного соотнесения (примеривания), мы понимали, что различения «сосуществуют» в целостном опыте с синтезами и идентификациями»²⁹, которые, собственно, и образуют динамический образ биологоса в целом.

«Код полярности» хронотопа. По мнению М. Элиаде, двоичное членение природы и общества является универсальной чертой человеческого мышления и проявляется в таких характеристиках, как полярность, антагонизм и дополнительность. Для Элиаде «код полярности» приобретает, с одной стороны, значение способа «прочтения» природы и человеческого существования, с другой — универсального системообразующего принципа, охватывающего все многообразие бинарных и дуалистических представлений³⁰.

«Код полярности» обладает структурой интервала. *А именно условно выделенными границами-оппозициями, между которыми возникает напряжение порождения нового смысла, не сводящегося полностью ни к одному из выделенных пределов.* Все это приводит к тому, по словам М.М. Новоселова, что «мы не можем говорить от «интервальной реальности» как

упорядоченной структуре в математическом смысле термина «порядок». Если же мы хотим сохранить термин «структура», то с большой вероятностью следует ожидать структуру с «испорченным порядком». Пользоваться для ее характеристики такими понятиями, как «иерархичность», «симметрия» и пр. следует с большой осторожностью. Интервальная структура, вообще говоря, не моделируется кристаллической решеткой, хотя в локальной области порядок, конечно, возможен. Таким образом, отправляясь от чисто логической (а не физической) точки зрения, интервальный подход *mutatis mutandis* оказывается в общем круге идей, провозглашенных синергетикой³¹. И прежде всего в ее ориентации на отслеживание процессов становления порядка в ситуациях неопределенности. По большому счету можно сказать, что и сама синергетика как исследовательская научная программа в целом разворачивается между двумя условно выделенными пределами, между «бытием в становлении» и «становлением бытия».

Если оценивать интервальный подход как устанавливающее — фиксирующую процедуру, как исчисление всякой теории действительного³², как некоторую «шкалу мер» в применении к динамике хронотопа, то, в первую очередь, надо иметь в виду неустойчивый самонастраивающийся характер такой «шкалы», ориентированный на конкретные обстоятельства жизненных ситуаций. И в этом состоит расширение толкования интервального подхода от понимания подхода, предлагаемого М.М. Новоселовым и Ф.В. Лазаревым³³. По преимуществу основное внимание ими было уделено тем случаям, когда разведение границ интервального подхода, среда «между» ними «свертывается» в границу-линию формального порядка, которая не признает реальных жизненных обстоятельств. Можно сказать, что к расширительному толкованию интервального подхода применимо высказывание Хайдеггера, когда он говорил о таком исчислении, которое «опредмечивает действительное». «Все равно, прослеживается ли тут путем каузальных объяснений вытекание результата из причин, составляется ли картина рассматриваемых предметов посредством их морфологического описания или фиксируется в своих основаниях та или

иная системно-серийная взаимосвязь»³⁴. Существенным в интервальном подходе, с нашей точки зрения, является качественное «измерение степени» выраженности «ускользающей предметности»³⁵ в условно принятых пределах. Можно рискнуть и назвать, по аналогии с постоянной неопределенности, введенной М. Планком, интервальный подход как переменную, фиксирующую неопределенность.

Рассмотрение интервального подхода в онтологической версии³⁶ позволяет сделать следующий шаг в его содержательном наполнении и дополнить гносеологическую мерность интервального подхода онтологической. Этот шаг представляется правомерным, если онтологическое построение рассматривать в опосредованной зависимости от гносеологического инструментария, а последний считать небезразличным к особенностям моделируемой реальности. Существует необходимая зависимость между представлением о бытии и способе его познания. Но степень определенности представления о бытии неустойчива, если познание разворачивается в интервале между познанием бытия в становлении и становлением бытия. «Мера» степени определенности онтологического представления зависит от степени приближения к одному из составляющих рассматриваемого интервала. Степень определенности стабильного бытия, равного самому себе по форме и по сути, при возможном его изменении, превосходит степень определенности становления бытия, как нарождающейся его формы с соответствующим ему новым смысловым содержанием. Полнота и целостность представления о бытии состоит в доопределении условно выделенных пределов интервала — бытия в становлении и становления бытия, что является отличительной чертой динамики хронотопа биологоса. Особенность выделенного интервала состоит в том, что бытие в становлении можно познавать из внешней позиции наблюдателя, так сказать, объективно, в то время как становление бытия можно наблюдать только изнутри самой ситуации становления, настраивая соответствующий инструментарий познания по всему спектру возможных отношений познающего с окружающим миром и с самим собой — субъективно. Радикализация интервального подхода в он-

тологической версии дает возможность рассматривать «в единстве, но неслиянно» две позиции познающего: объективистскую классического научного познания и субъективную объективность неклассического научного знания. В этом главная дилемма современного научного познания, переживающего кризис становления новых методов и форм, ориентированных не только на предданные всеобщие универсальные истины, но и учитывающие общезначимые ценности, возникающие при решении конкретных, жизненно актуальных проблем. Собственно, на решение этой дилеммы ориентировано трансдисциплинарное измерение биорациональности, представленной в нашем толковании.

Философско-антропологическая версия интервального подхода является прямым следствием взаимодействия двух его предшествующих версий — гносеологической и онтологической. Она образует органическую целостность познания живого и живого познания, саморазвивающуюся систему отношений между архитектурой внутреннего обустройства интервальной ситуации и внешним влиянием на нее.

Фундаментальной чертой бытия человека, его *биологос* является то, что он — по своей природе — нигде не закреплён намертво ни с одним из конкретных контекстов, интервалов. У него существует принципиальная возможность перехода от одного измерения к другому. Все зависит от того, который из них в данный момент ценностно *или* сенсорно актуализирован. Человек с точки зрения интервального подхода образует сложно иерархизированную «голографическую модель», в которой каждый интервал рассмотрения претендует на свою, хотя и ограниченную, но «законченную в себе истину о человеке. Отдельные «образы человека» не исключают, а дополняют друг друга, *если мы научились фиксировать границы их адекватной применимости, а также концептуальные способы перехода от одного образа к другому*³⁷, представленных в динамике хронотопа биологоса.

Примечания

¹ М. Хайдеггер вспоминает часто цитируемый тезис М. Планка «действительно то, что поддается измерению» и добавляет: достоверность знания зависит от измеримости, полагающейся на

предметную противопоставленность природы и от соответствующих возможностей измерительного метода (см.: *Хайдеггер М.* Наука и осмысление // *Время и бытие.* — М.: Республика, 1993. — С. 246).

- ² «Конечно, не надо понимать такое «исчисление» в узком смысле цифровых операций. Исчислять — в широком сущностном смысле — значит брать что-либо в расчет, принимать в рассмотрение, рассчитывать на что-либо, т.е. ожидать определенного результата. В этом плане всякое опредмечивание действительного есть исчисление, все равно, прослеживается ли тут путем каузальных объяснений вытекание результата из причин, составляется ли картина рассматриваемых предметом посредством их морфологического описания или фиксируется в своих основаниях та или иная системно-серийная взаимосвязь» (*Хайдеггер М.* Наука и осмысление. — С. 246).
- ³ Причем в наши дни в этическом измерении существенным является осмысленное соединение двух традиционно различных его аспектов: действие по закону или свободному нравственному выбору, реализованному в поступке.
- ⁴ Примечательно мнение, высказанное патриархом нашей отечественной философии Т.И. Ойзерманом в своей статье «Амбивалентность великих философских учений (к характеристике философских систем Канта и Гегеля)» // *Вопросы философии.* 2008. № 8. — С. 128. «Можно даже констатировать тот факт, что, чем более содержательным, новаторским является то или иное философское учение, тем более оно противоречиво, амбивалентно, апористично, несмотря на стремление его создателя и его последователей согласовать все положения этого учения, исключить какую бы то ни было рассогласованность».
- ⁵ *Рикер П.* Я-сам как другой. — М., 2008. — С. 217.
- ⁶ См.: *Зацепин К.А., Саморуков И.И.* Эпистемологический статус концепта. slovar.lib.ru/dictionary/koncept.htm
- ⁷ См.: *Философская энциклопедия:* в 4 т.: Т. 2. — М., 2001. — С. 306.
- ⁸ *Рикер П.* Память, история, забвение. — М., 2004. — С. 10 — 11.
- ⁹ *Мамардашвили М.* Картезианские размышления. — М., 1983. — С. 244.
- ¹⁰ Там же. — С. 161.
- ¹¹ *Шеллинг Ф.В.Й.* Соч. в 2 т. /сост., ред., авт. вступ. статьи А.В. Гулыга. — Т. 1 — М.: Мысль, 1987. — С. 362 — 363.
- ¹² См.: *Тищенко П.Д.* Время и онтология «Да будет» (Fiat!) // *Синергетика времени. Междисциплинарный подход.* — М., 2007. — С. 28.
- ¹³ См.: *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. — М., 1975. — С. 234 — 235.
- ¹⁴ См.: *Свицкий Я.И.* Самоорганизация смысла. — М., 2001. — С. 46.
- ¹⁵ Там же. — С. 47.
- ¹⁶ Там же. — С. 49.
- ¹⁷ «Но мыслим ли мы когда-нибудь истинную длительность? Здесь также необходимо непосредственное обладание. Нельзя подой-

- ти к длительности обходным путем: в нее вступить нужно разом. Именно это интеллект чаще всего и отказывается делать, привыкнув по обыкновению подвижное мыслить при посредстве неподвижного» (*Бергсон А.* Творческая эволюция. – М.; Жуковский., 2006. – С. 286).
- ¹⁸ *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе. – С. 406.
- ¹⁹ *Делез Ж.* Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза. – М.: ПЕРСЭ, 2000. – С. 124.
- ²⁰ *Бергсон А.* Собр. соч.: Т. 1. Опыт о непосредственных данных сознания. Материя и память. – М., 1992. – С. 105 – 106.
- ²¹ См.: *Бергсон А.* Творческая эволюция. – С. 172.
- ²² *Делез Ж.* Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза. – С. 175.
- ²³ *Бергсон А.* Собр. соч.: Т. 1. Опыт о непосредственных данных сознания. – С.102 – 103.
- ²⁴ *Визгин В.П.* Этюд о времени // Философские исследования. 1999. № 3. – С. 150.
- ²⁵ *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе. – С. 235.
- ²⁶ *Молчанов В.И.* Различение и опыт: феноменология неагрессивного сознания. – М., 2004. – С. 23.
- ²⁷ *Мамардашвили М, Пятигорский А.* Символ и сознание. – М., 1999. – С. 102.
- ²⁸ Там же. – С. 103.
- ²⁹ См. там же.
- ³⁰ См.: *Элиаде М.* Космос и история. – М., 1987. – С. 248 – 250.
- ³¹ *Новоселов М.М.* Абстракция в лабиринтах познания (логический анализ). – М., 2005. – С. 15.
- ³² «Конечно, не надо понимать такое «исчисление» в узком смысле цифровых операций. Исчислять – в широком сущностном смысле – значит, брать что-либо в расчет, принимать в рассмотрение, рассчитывать на что-либо, т.е. ожидать от него определенного результата» (*Хайдеггер М.* Наука и осмысление – С. 252).
- ³³ См.: *Кураев В.И., Лазарев Ф.В.* Точность, истина и рост знания. – М.: Наука, 1988. – С. 10.
- ³⁴ *Хайдеггер М.* Наука и осмысление. – С. 252.
- ³⁵ *Киященко Л.П.* В поисках ускользающей предметности (Очерки о синергетике языка). – М.: ИФРАН, 2000.
- ³⁶ *Ф.В. Лазарев, Б.А. Литтл.* Многомерный человек. Введение в интервальную антропологию. – Симферополь, 2001.
- ³⁷ Там же. – С.35 – 36.